

РОБИН ХОББ

САГА О ВИДЯЩИХ

СТРАНСТВИЯ УБИЙЦЫ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

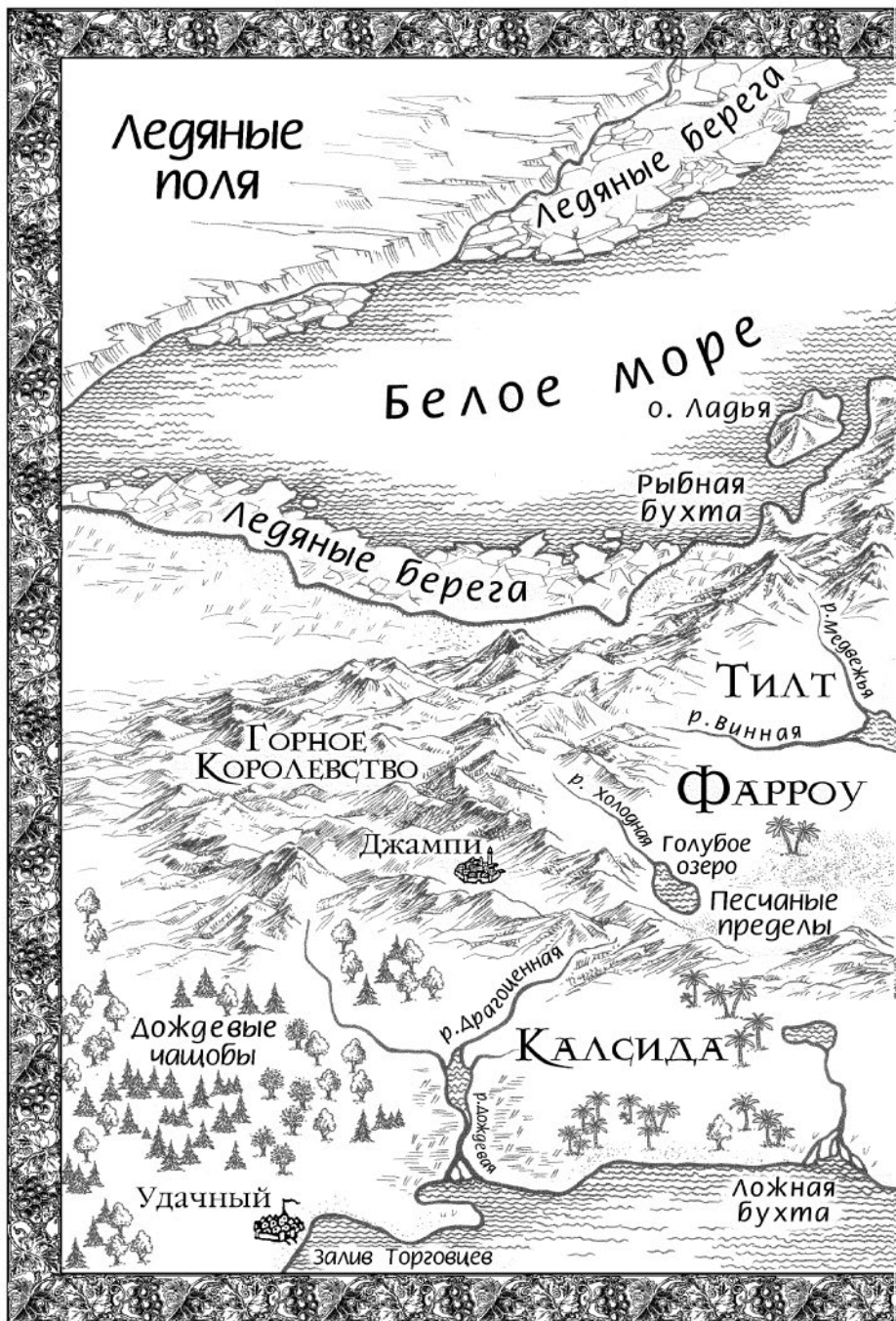
УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
X 68

Robin Hobb
ASSASSIN'S QUEST
Copyright © 1997 by Robin Hobb
All rights reserved

Перевод с английского Марии Юнгер
Серийное оформление Виктории Манацковой
Оформление обложки Сергея Шикина

ISBN 978-5-389-11398-5

© М. Юнгер, перевод, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

ШЕСТЬ ГЕРЦОГСТВ

Пролог

ПАМЯТЬ И ЗАБВЕНИЕ

Каждое утро я просыпаюсь с пятнами чернил на руках. Порой я обнаруживаю, что сижу, уткнувшись лицом в стол с грудями бумаг и свитков. Мой мальчик, когда приносит завтрак, иногда упрекает меня за то, что я так и не лег в постель накануне. А порой он лишь молча смотрит мне в глаза. Я не пытаюсь объяснить ему свои поступки. Для юного сердца это останется тайной. Со временем он все поймет сам.

Теперь я знаю: у каждого человека должна быть цель в жизни. Чтобы понять это, мне потребовалось два десятка лет. Впрочем, уж в этом-то я не одинок. Тем не менее урок, раз выученный, запечатлелся в моей памяти навсегда. И теперь, когда у меня осталась лишь моя боль, я нашел себе цель, обратившись к делу, о котором давно просили и леди Пейшенс, и писец Федврэн. Я взялся за перо, пытаюсь изложить связную историю Шести Герцогств, но обнаружил, что не могу подолгу сосредоточиваться на одной теме и поэтому развлекаюсь маленькими отступлениями. Я пишу о моей теории магии, о политике, размышляю о других культурах. Когда мне становится совсем плохо и мысли начинают путаться, я работаю над переводами или делаю четкие копии старых документов. Я стараюсь занять свои руки и тем самым отвлечься от гнетущих мыслей.

Моя работа служит мне, как составление карт некогда служило Верити. Когда человек поглощен важным делом, он забывает и пагубную зависимость, и страдания, которые приносит отказ от нее. Он может погрузиться в работу и забыть о себе. Или, напротив, в его памяти всплывает множество воспоминаний. Слишком часто я замечал, что вместо истории герцогств излагаю историю Фитца Чивэла. Потому что воспоминания оставляют меня наедине с тем, кем я когда-то был, и тем, кем я стал.

Удивительно, сколько подробностей всплывает в памяти человека, глубоко погруженного в изложение каких-либо событий.

Не все мои воспоминания причиняют боль. У меня были друзья, и они оказались гораздо надежнее, чем я мог предположить. Я познал любовь и радость, которые испытывали силу моего духа точно так же, как боль и горести. И все же, я думаю, на мою долю выпало намного больше страданий, чем на долю других. Не многие могут вспомнить собственную смерть в темнице или внутренность гроба, погребенного под снегом. Сознание уходит от деталей таких событий. Одно дело просто вспоминать, что Регал убил меня. Другое — сосредоточиваться на подробностях дней и ночей, в течение которых он морил меня голодом, а потом приказывал избивать до смерти. Когда я это вспоминаю, то, несмотря на все прошедшие годы, сердце мое леденеет. Я почти вижу глаза человека и слышу звук, с которым его кулак сломал мой нос. Во сне я все еще возвращаюсь в темницу и снова сражаюсь за то, чтобы остаться на ногах, стараюсь не думать о том, что хочу совершить последнюю попытку убить Регала. Я снова ощущаю его удар, расщепивший кожу и оставивший на моем лице шрам, который я ношу до сих пор.

Я никогда не прощу себе, что, приняв смертельный яд, позволил Регалу почувствовать себя победителем.

Но самую сильную боль причиняют мне воспоминания о тех, кого я потерял навсегда. Когда Регал убил меня, я умер. Никто больше не знал меня как Фитца Чивэла, я никогда не восстанавливал связей с друзьями из Баккипа, которых знал с шестилетнего возраста. Я никогда больше не бывал в Оленьем замке, не прислуживал леди Пейшенс и не сидел на камнях очага у ног Чейда. Ниточки жизней, переплетенные некогда с моими, оказались разорваны. Некоторые из близких мне людей умерли, некоторые женились; рождались и выросли дети — но ничего из этого я не видел. Хотя прошло много лет и я уже не тот здоровый молодой человек, каким был когда-то, многие из моих прежних друзей живы. Иногда мне все еще хочется посмотреть на них и коснуться их рук, чтобы избавиться от многолетнего одиночества.

Я не могу.

Все эти годы их жизни потеряны для меня, так же как и все будущее. Я потерял их в тот период — немногим больше месяца, но показавшийся мне бесконечным, — когда был заключен в темнице, а потом в гробу. Мой король умер у меня на руках, но я не видел, как он был похоронен. Я не присутствовал на совете после моей смерти, где меня признали виновным в использовании магии

Дара и заслуживающим той участи, которая меня постигла. Пейшенс пришла к Регалу и потребовала, чтобы он отдал ей мое тело. Жена моего отца, некогда так потрясенная тем, что он зачал бастарда до их свадьбы, забрала меня из подвала. Ее руки омыли мое тело для погребения, распрямили суставы и завернули его в саван. Странно, но эксцентричная леди Пейшенс так бережно перевязала мои раны, будто я все еще был жив. Она распорядилась вырыть мне могилу и проследила за тем, как в нее опустили гроб. Она и Лейси, ее служанка, оплакивали меня, когда все остальные — кто из страха, кто из отвращения к моему преступлению — меня покинули.

Тем не менее она ничего не узнала о том, как Баррич и Чейд, мой учитель-убийца, несколькими ночами позже пришли к месту погребения, разрыли снег и сбили комья земли с крышки моего гроба. Один лишь Чейд видел, как Баррич вытащил мое тело, а потом использовал Дар и вызвал волка, которому было доверено хранить мою душу. Они вырвали ее у волка и заточили назад, в мое разбитое тело. Они вернули мне человеческий облик, заставили вспомнить, что значит иметь короля и быть связанным клятвой. До сего дня я не знаю, благодарен ли им за это. Может быть, как считает шут, у них не было выбора. Может быть, нельзя говорить ни о благодарности, ни об упреках, а только о могущественных силах, которые неумолимо распоряжаются нашими судьбами.

Глава 1

РОЖДЕНИЕ В МОГИЛЕ

В Калсиде держат рабов. В этой стране они выполняют тяжелую работу. Это шахтеры, рабочие на мехах, гребцы на галерах, мусорщики, пахари и проститутки. Как ни странно, рабы также нянчат и учат детей, готовят обеды и великолепно строят корабли. Своей высокой цивилизацией — от великих библиотек Джебена до легендарных фонтанов и купален Синджона — Калсида обязана рабам.

Торговцы Удачного являются главным источником рабов. В свое время невольниками становились захваченные на войне пленные, и до сих пор в Калсиде официально утверждают, что это так. Однако в последние годы войны уже не могут обеспечить нужное количество образованных рабов. Поэтому торговцам живым товаром приходится изыскивать другие способы их приобретения, в связи с чем часто говорят о дерзком пиратстве в заливе Купцов. Впрочем, рабовладельцы в Калсиде не очень интересуются тем, откуда рабы поступают, лишь бы они были здоровы.

В Шести Герцогствах рабство так и не прижилось. Человек, совершивший преступление, обязан служить тому, кому нанес ущерб, но не до конца жизни, а определенный срок. И в глазах людей он является не рабом, а лишь человеком, выплачивающим долг. Если преступление слишком ужасно, чтобы его можно было искупить трудом, виновный расплачивается жизнью. По законам Шести Герцогств невозможно обратить человека в рабство либо же привести с собой рабов из другой страны и, поселившись здесь, оставить их в неволе. По этой причине многие рабы из Калсиды, обретя тем или иным путем свободу, часто ищут прибежища в Шести Герцогствах.

Они приносят с собой традиции и фольклор своей далекой родины. Одна такая история, которую я запомнил, рассказывает о девушке, наделенной Даром, что на языке Калсиды называется «веччи». Она хотела оставить дом своих родителей, чтобы после-

довать за возлюбленным и стать его женой. Но родители сочли, что он недостойн ее руки, и отказались дать разрешение на брак. Они не позволили ей уйти, а девушка была слишком послушной дочерью, чтобы перечить воле родителей. И в то же время она была слишком пылко влюблена, чтобы жить без своего избранника. Она слегла и вскоре умерла от горя. Родители похоронили ее, рыдая и упрекая себя за то, что не позволили ей последовать велению своего сердца. Но тайне от них девушка была связана Даром с медведицей. И когда девушка умерла, медведица удержала ее дух, чтобы он не покинул этот мир. Через три ночи после того, как девушку похоронили, медведица раскопала могилу и вернула дух девушки в ее тело. Девушка восстала из гроба другим человеком, не имеющим никакого долга перед родителями. Она оставила разбитый гроб и ушла искать возлюбленного. У этой истории грустный конец, потому что, пробыв несколько дней после смерти медведицей, девушка так и не смогла снова стать человеком и ее избранник отказался от нее.

Но у Баррича не было другого способа освободить меня из тюрьмы принца Регала. Зная о моей связи через Дар с Ночным Волком, он заставил меня принять яд.

Комната была слишком жаркой. И слишком маленькой. Я тяжело и часто дышал, но это не приносило облегчения. Встав из-за стола, я подошел к ведру с водой в углу, снял крышку и напился. Сердце Стаи поднял глаза и оскалился:

— Пользуйся чашкой, Фитц.

Я не сводил с него глаз. Вода бежала по моему подбородку.

— Вытри лицо.

Сердце Стаи посмотрел на собственные руки. На них был жир. Он втирал этот жир в какие-то ленты. Я принялся и облизал губы:

— Есть хочу.

— Сядь и закончи работу. Тогда мы поедем.

Я попытался понять, чего он хочет от меня. Он показал рукой на стол, и я вспомнил. Много кожаных лент на моем конце стола. Я вернулся и сел на твердый стул.

— Я хочу есть сейчас, — объяснил я.

Сердце Стаи посмотрел на меня, и это был не взгляд, а оскал, хоть он и не показал зубов. Сердце Стаи умеет скалиться глазами. Я вздохнул. Жир у него на руках пах очень хорошо. Я сглотнул,

потом посмотрел на кожаные ленты и кусочки металла, лежавшие на столе передо мной. Я не знал, что с ними делать. Сердце Стаи положил свои ленты и вытер руки тряпкой. Он подошел и остановился рядом со мной, так что я должен был повернуться, чтобы видеть его.

— Вот, — сказал он, коснувшись кожи передо мной. — Ты чинил это здесь.

Он стоял надо мной, пока я не взял кожу. Я нагнулся и понюхал ее, а он ударил меня по плечу.

— Не делай этого!

Мои губы приподнялись, но я не оскалился. Если на него скалиться, он делается очень-очень сердитым. Некоторое время я держал ленты. Потом получилось так, как будто мои руки вспомнили что-то, чего уже не помнил мой разум. Я смотрел, как мои пальцы работают с кожей. Когда дело было сделано, я поднял сбрую и сильно потянул, чтобы показать, что она выдержит, даже если лошадь откинёт голову.

— Но здесь нет лошади, — вспомнил я. — Лошадей больше нет.

Брат!

Я иду.

Я встал со стула и пошел к двери.

— Вернись и сядь, — велел Сердце Стаи.

Ночной Волк ждет, сказал я ему.

Потом я подумал, что он не может меня слышать. То есть он смог бы, если бы попробовал, но он не хотел пробовать. Я знал, что, если я снова заговорю с ним так, он *толкнет* меня. Он не разрешает мне общаться таким образом с Ночным Волком. Он даже *толкает* Ночного Волка, если тот слишком много разговаривает со мной. Это кажется очень странным.

— Ночной Волк ждет, — сказал я вслух.

— Я знаю.

— Сейчас хорошее время для охоты.

— И еще лучшее время, чтобы оставаться здесь. У меня есть для тебя еда.

— Мы с Ночным Волком можем найти свежее мясо.

Я проглотил слюну, подумав об этом. Разорванный кролик, еще теплое, дымящееся зимней ночью мясо — вот чего я хотел.

— Ночному Волку придется охотиться одному этой ночью, — сказал Сердце Стаи.

Он подошел к окну и чуть-чуть приоткрыл ставни. Холодный воздух ворвался внутрь. Я чуял Ночного Волка, а еще дальше — снежную кошку. Ночной Волк заскулил.

— Уходи! — приказал ему Сердце Стаи. — Уходи сейчас же, иди охотиться. У меня здесь не хватит еды для тебя.

Ночной Волк скрылся в тень, подальше от света, который падал из окна. Но он не отошел далеко. Он ждал меня, но я знал, что он не станет ждать долго. Как и я, он был голоден.

Сердце Стаи подошел к огню, от которого в комнате было слишком жарко. Там стоял котел, и Сердце Стаи отодвинул его от огня и снял крышку. Оттуда вырвался пар, а вместе с ним запахи. Зерно и корни, и немного мяса, совсем вываренного. Но я был так голоден, что принялся и начал скулить. Сердце Стаи снова оскалился, поэтому я вернулся на твердый стул, сел и стал ждать.

Ожидание заняло очень много времени. Сначала он убрал со стола всю кожу и повесил ее на крюк. Потом унес горшок с жиром и принес горячий котелок. Затем поставил две миски и две чашки и наполнил чашки водой. Он положил на стол нож и две ложки. После этого достал из буфета хлеб и маленький горшок с джемом. Он поставил передо мной миску с рагу, но я знал, что прикасаться к еде нельзя. Я не должен есть, пока он не отрежет кусок хлеба и не даст мне. Держать хлеб можно, но откусить от него нельзя, пока Сердце Стаи тоже не усядется за стол со своим хлебом и рагу.

— Возьми ложку, — напомнил он мне.

Потом он медленно опустился на стул, прямо напротив меня.

Я держал ложку и хлеб и ждал, ждал, ждал, не отводя от него глаз, но не мог удержаться, чтобы не шевелить ртом. Это рассердило его. Я тут же закрыл рот. Наконец он сказал:

— Теперь поедим.

Но ожидание на этом не закончилось. Мне было позволено откусить один раз. Это надо было разжевать и проглотить, прежде чем я возьму еще, а иначе Сердце Стаи ударил бы меня, и я мог подцепить ровно столько рагу, сколько помещалось в ложке. Я поднял чашку и попил из нее. Он улыбнулся мне:

— Хорошо, Фитц. Хороший мальчик.

Я улыбнулся в ответ, но потом откусил слишком большой кусок хлеба, и Сердце Стаи нахмурился. Я старался жевать медленно, но был очень голоден, а еда стояла прямо передо мной, и я не понимал, почему он не может позволить мне просто быстро

проглотить ее. Я ел очень долго. Он нарочно сделал рагу очень горячим, чтобы я обжег рот, если возьму слишком много. Некоторое время я думал об этом. Потом сказал:

— Ты нарочно сделал еду слишком горячей. Чтобы я обжегся, если буду есть ее быстро.

Он снова медленно улыбнулся и кивнул мне. Я все равно закончил есть раньше его. Я должен был сидеть на твердом стуле, пока он не доест.

— Что ж, Фитц... — произнес он наконец. — Неплохой денек выдался, а, мальчик?

Я смотрел на него.

— Скажи что-нибудь в ответ, — велел он.

— Что? — спросил я.

— Что угодно.

— Что угодно.

Он сердито посмотрел на меня, и мне захотелось оскалиться, потому что я сделал то, что он велел. Через некоторое время он встал, достал бутылку, потом налил что-то в свою чашку и протянул ее мне.

— Хочешь немного?

Я отпрянул. Даже запах этого напитка жег мои ноздри.

— Ты так и не ответил, — напомнил он.

— Нет. Это плохая вода.

— Нет. Это плохой бренди. Черносмородиновый бренди, очень дешевый. Я терпеть его не мог, а ты любил.

Я фыркнул.

— Мы никогда не любили его.

Он поставил бутылку и чашку на стол, встал, пошел к окну и снова открыл его.

— Иди охотиться, я сказал!

Я почувствовал, как Ночной Волк подпрыгнул и убежал. Ночной Волк боится Сердца Стаи, так же как и я. Один раз я напал на Сердце Стаи. Я долго болел, но потом поправился и хотел пойти на охоту, а он не пускал меня. Он стоял перед дверью, и я прыгнул на него. Удар его кулака сбил меня с ног. Он не сильнее меня, но злее и умнее. И знает много способов, как заставить подчиниться себе, и большинство из них болезненные. Я лежал на спине, а мое горло было открыто его зубам долгое, долгое время. Каждый раз, когда я шевелился, он бил меня. Ночной Волк рычал снаружи,

но не слишком близко к двери и не пытался проникнуть внутрь. Когда я заскулил, прося пощады, Сердце Стаи ударил меня снова.

— Молчи! — приказал он.

Когда я замолчал, он сказал мне:

— Ты младше. Я старше и знаю больше. Я дерусь лучше тебя и охочусь лучше тебя. Я во всем выше тебя. Ты будешь делать все, что я захочу, все, что я тебе прикажу. Ты понял?

Да, сказал я ему. Да, да. Это стая. Я понял, я понял.

Но он снова ударил меня и держал на полу, показывая зубы, пока я не сказал ему вслух:

— Да. Я понял.

Когда Сердце Стаи вернулся к столу, он налил бренди в мою чашку и поставил ее перед моим носом. Я фыркнул.

— Попробуй это, — убеждал он меня, — хоть чуть-чуть. Раньше тебе нравилось. Ты пил это в городе, когда был моложе и не должен был ходить в таверны без меня. А потом жевал мяту и думал, я не узнаю, что ты делал.

Я покачал головой:

— Я бы не сделал того, чего ты мне не велел. Я понимал.

Он издал звук, как будто подавился, и чихнул.

— О, раньше ты очень часто делал то, чего я тебе не велел. Очень часто.

Я снова покачал головой:

— Не помню.

— Пока нет. Но вспомнишь. — Он снова указал на бренди. — Попробуй. Самую малость. Это может тебе понравиться.

И поскольку он велел мне, я попробовал. Бренди обжег мой рот и нос, и я долго не мог избавиться от его вкуса. Я вылил то, что оставалось в чашке.

— Что ж. То-то Пейшенс была бы довольна! — только и сказал Сердце Стаи.

А потом он заставил меня взять тряпку и убрать то, что я разлил, вымыть тарелки и вытереть их досуха.

Иногда я дрожал и летел вниз. Причины этому не было. Сердце Стаи пытался удержать меня. Иногда эта дрожь заставляла меня заснуть, а когда я просыпался, у меня все болело, и грудь и спина. Иногда я прикусывал язык. Мне это не нравилось, и это пугало Ночного Волка.

А иногда с Ночным Волком и со мной бывал кто-то еще. Он вторгался в наши мысли. Очень, очень маленький, но он был с нами, и мне это не нравилось. Я никогда не хотел быть ни с кем, кроме Ночного Волка. Он знал это и старался стать таким крошечным, что большую часть времени я его не замечал.

Позже пришел человек.

— Идет человек, — сказал я Сердцу Стаи.

Огонь почти погас, и мы сидели в полумраке. За окном тоже было темно, и лучшее время для охоты уже миновало. Скоро Сердце Стаи велит нам спать.

Он не ответил мне, быстро и бесшумно встал и взял большой нож, который всегда лежал на столе. Сделав мне знак отойти в угол с его дороги, он подошел к двери и стал ждать. Я слышал, как снаружи человек идет по снегу. Потом я почувял его.

— Это Седой, — сказал я. — Чейд.

Тогда он очень быстро открыл дверь, и Седой вошел. Ячихнул от его запахов. Порошок из сухих листьев, вот чем он всегда пах, и разными дымами. Седой был худым и старым, но Сердце Стаи всегда вел себя с ним так, как будто Чейд был жоаком. Сердце Стаи подкинул в огонь дров, и в комнате сразу стало светлее и жарче. Седой откинул капюшон и некоторое время смотрел на меня своими светлыми глазами, как будто чего-то ждал. Потом он заговорил с Сердцем Стаи:

— Как он? Лучше?

Сердце Стаи пошевелил плечами:

— Когда он унюхал вас, то назвал ваше имя. Целую неделю не было припадков, а три дня назад он занимался починкой сбруи. И хорошо поработал.

— Не пыгается больше жевать кожу?

— Нет. По крайней мере, когда я слежу за ним. Кроме того, это работа, которую он знает очень хорошо, и она может пробудить в нем какие-нибудь воспоминания. — Сердце Стаи коротко хохотнул. — На худой конец, починкой сбруи можно неплохо зарабатывать.

Седой подошел к огню и протянул к нему руки, которые были все в пятнах. Сердце Стаи достал бутылку, и они налили бренди в чашки. Он заставил меня держать чашку с бренди, но не приказывал пробовать его. Они говорили долго-долго о вещах, которые

не имели никакого отношения к еде, сну или охоте. Седой слышал что-то о некоей женщине. Это может объединить герцогства, утверждал он. Сердце Стаи сказал:

— Не буду говорить об этом в присутствии Фитца. Я обещал.

Седой спросил его, неужели он думает, что я понимаю. А Сердце Стаи ответил, что это не важно, он дал слово. Я хотел спать, но они заставили меня сидеть с ними. Когда старик собрался уходить, Сердце Стаи сказал:

— Для вас очень опасно приходиться сюда. И такой долгий путь! Вы сможете добраться до дома?

Седой улыбнулся:

— У меня есть свои пути, Баррич.

Я тоже улыбнулся, вспомнив, что он всегда гордился своими тайнами.

В один прекрасный день Сердце Стаи ушел и оставил меня одного. Он не стал привязывать меня, а только сказал:

— Здесь немного овса. Если захочешь есть, пока меня не будет, тебе придется вспомнить, как его приготовить. Если ты выйдешь, даже если ты только откроешь дверь или окно, я узнаю об этом. И убью тебя. Ты понял?

— Да.

Похоже, он очень сердится на меня, но я не мог вспомнить, чтобы я делал что-то такое, чего он не велел. Он открыл ящик и достал из него вещи. По большей части это были металлические кружки. Монеты. Одну вещицу я помнил. Она была блестящая и изогнутая, как месяц. И она пахла кровью, когда досталась мне. Я сражался за нее с другим, но не помню, что хотел ее получить. Тем не менее я сражался и победил. Теперь она мне не нужна. Он поднял ее, чтобы посмотреть, потом положил в кошелек. Мне было все равно, когда он ее унес.

Я очень-очень проголодался, пока его не было. Когда он вернулся, мой нос почуял незнакомый запах. Запах женщины. Неприятный и смешанный с запахами луга. Но это был приятный запах, и от него чего-то хотелось — чего-то, что не было едой, водой или охотой. Я подошел к Сердцу Стаи и принюхался, но он этого не заметил. Он сварил кашу, и мы поели. А потом он сидел у огня и был очень, очень грустный. Я достал бутылку с бренди и принес ее ему вместе с чашкой. Он взял их у меня, но не улыбнулся.

— Может быть, завтра я научу тебя прислуживать, — сказал он, — может быть, хоть этому ты научишься.

После этого он выпил весь бренди из бутылки и открыл вторую, а я сидел и смотрел на него. Когда он лег спать, я взял его плащ с остатками запаха, положил его на пол и лег, и нюхал, пока не заснул.

Мне привиделся сон, но в нем не было смысла. Снилось женщина, которая пахла как плащ Баррича, и я не хотел, чтобы она уходила. Это была моя женщина, но, когда она ушла, я за ней не побежал. Больше я ничего не смог вспомнить. Но я пытался, и от этого было так же плохо, как когда хочется есть или пить.

Он держал меня в комнате долгое, долгое время, и все, чего я хотел, — это выйти. Но потом пошел дождь, очень сильный, такой сильный, что почти весь снег растаял. Внезапно мне показалось, что я не хочу выходить.

— Баррич, — сказал я, и он быстро посмотрел на меня.

Я подумал, что сейчас он меня укусит, так стремительно он повернулся. Я постарался не съежиться, потому что он иногда сердился, когда я сжимался в комок.

— Что, Фитц? — спросил он, и его голос был ласковым.

— Я хочу есть. Сейчас.

Он дал мне мяса, вареного, зато большой кусок. Я ел его с жадностью, а Сердце Стаи смотрел на меня, но не прикрикнул и не стукнул меня за это.

Под бородой мое лицо чесалось. В конце концов я пошел, встал перед Барричем и начал скрести лицо перед ним.

— Мне это не нравится, — сказал я ему.

Он выглядел удивленным, но дал мне горячую воду, мыло и острый нож, потом протянул круглое стекло с человеком внутри. Я смотрел туда очень долго и задрожал. Его глаза были как у Баррича, только еще темнее. Не волчьи глаза. Его шкура была тоже как у Баррича, но на подбородке торчали неровные и грубые волосы. Я потрогал свою бороду и увидел свои пальцы на лице этого человека. Это было странно.

— Брейся, но будь осторожен, — предупредил Баррич.

Я не мог вспомнить, как это делается. Запах мыла, горячая вода на моем лице. Но острое-острое лезвие оставляло маленькие

порезы, которые жгли кожу и кровоточили. Я посмотрел на человека в круглом стекле и вдруг подумал: «Фитц. Почти как Фитц».

— У меня идет кровь, — сообщил я Барричу.

Он засмеялся:

— У тебя всегда шла кровь после бритья. Вечно ты куда-то спешишь.

Он отобрал у меня нож.

— Сиди тихо, — сказал он мне. — Ты пропустил некоторые места.

Я сидел очень тихо, и он не порезал меня. Было трудно сидеть неподвижно, когда он подошел ко мне так близко. Закончив, он приподнял мой подбородок и пристально посмотрел на меня.

— Фитц, — сказал он и улыбнулся, но потом улыбка погасла, потому что я просто смотрел на него.

Он дал мне щетку.

— Тут нет лошади, чтобы чистить, — удивился я.

Сердце Стаи вдруг стал почти довольным.

— Причешись, — сказал он и взъерошил мои волосы.

Он заставил меня приглаживать их, пока они не легли ровно. В некоторых местах к моей голове было больно прикоснуться. Баррич нахмурился, когда увидел, что я вздрагиваю. Он забрал щетку и велел стоять смирно, пока смотрел и ощупывал мою голову.

— Ублюдок! — выругался он и, когда я сжался, добавил: — Не ты.

Он молча покачал головой и потрепал меня по плечу:

— Боль уйдет со временем.

Он показал мне, как зачесать волосы назад, и завязал их кожаным шнурком. Они уже были достаточно длинные.

— Так-то лучше, — сказал он. — Теперь ты стал похож на человека.

Я проснулся, извиваясь и повизгивая. Сердце Стаи подошел ко мне:

— Что случилось, Фитц? С тобой все в порядке?

— Он забрал меня у моей матери! — плакал я. — Он забрал меня у нее! Я был слишком молод, чтобы уходить от нее.

— Я знаю, знаю, но это было давно. Теперь ты здесь и в безопасности. — Он выглядел почти испуганным.

— Он пустил дым в логово, — продолжал я, — убил мою мать и братьев и взял их шкуры.

Лицо его изменилось, и голос больше не был добрым:

— Нет, Фитц, это была не твоя мать. Это был сон волка. Ночного Волка. Это могло случиться с Ночным Волком. Но не с тобой.

— Нет, случилось! — Я рассердился. — Случилось! И я чувствовал то же самое. То же самое!

Я слез с кровати и стал ходить по комнате, и ходил долго, долго, но потом все же успокоился. Баррич сидел и смотрел на меня. Он выпил очень много бренди, пока я ходил.

Однажды весной я стоял и смотрел в окно. Мир казался ожившим и новым. Я потянулся и услышал, как мои кости щелкают.

— Хорошее утро, чтобы прокатиться верхом.

Я повернулся и посмотрел на Баррича, который мешал кашу в котле над огнем. Он подошел и встал рядом со мной.

— В горах все еще зима, — промолвил он тихо. — Интересно, добралась ли Кетриккен до дома?

— Если нет, это не вина Уголька, — заметил я.

И вдруг внутри меня что-то перевернулось, и мне стало так больно, что я не мог отдышаться. Я пытался понять, что же это, но оно убегало от меня, и я не мог догнать его, но знал, что должен за этим охотиться. Это было все равно что охотиться на медведя. Когда я подошел к этому ближе, оно пошло мне навстречу и попыталось причинить мне боль, но что-то заставляло меня идти. Я глубоко вздохнул и оттолкнул это и еще раз вздохнул. Баррич рядом со мной не двигался и молчал. Он ждал.

Брат, ты волк. Вернись, беги от этого, оно причинит тебе боль, предупредил Ночной Волк.

Я отпрыгнул.

Тогда Баррич стал топтать по комнате и сыпать проклятиями. Каша сгорела. Нам все равно пришлось съесть ее. Ничего другого не было.

Баррич без конца приставал ко мне.

— Ты помнишь? — то и дело спрашивал он.

Он не оставлял меня в покое, называя мне имена и пытаясь заставить сказать, кто это такие. Иногда я кое-что знал.

— Женщина, — сообщил я ему, когда он назвал Пейшенс. — Женщина в комнате с травой.

Я старался, но он все равно сердился на меня. Если я спал по ночам, то видел сны. Сны о дрожащем свете на каменной стене и о глазах в маленьком окне. Эти сны давили на меня и не давали дышать. Если мне удавалось набрать в грудь достаточно воздуха, чтобы закричать, я просыпался. Иногда для этого нужно было много времени. Баррич тоже просыпался и хватал со стола большой нож.

— В чем дело? В чем дело? — спрашивал он, но я не мог ему рассказать.

Безопаснее было спать днем, снаружи, вдыхая запах травы и земли. Тогда сны о каменных стенах не мучили меня. Вместо этого приходила женщина, которая нежно прижималась ко мне. Она пахла так же, как полевые цветы, а на губах у нее был вкус меда. Боль от этих снов настигала меня, когда я просыпался, зная, что она исчезла навеки, что другой забрал ее у меня. По ночам я сидел и смотрел в огонь. Я пытался не думать о холодных каменных стенах, о плачущих темных глазах и о сладости губ, которую унесли горькие слова. Я не спал. Я не смел даже лечь. Баррич не заставлял меня.

Однажды вернулся Чейд. Он отрастил длинную бороду и стал носить шляпу с широкими полями, как у бродяг, но я все равно узнал его. Баррича не было дома, когда он появился, но я выпустил его. Я не знал, почему он пришел.

— Хочешь бренди? — спросил я, решив, что он пришел за этим. Он пристально посмотрел на меня и едва не улыбнулся.

— Фитц, — сказал он и заглянул мне в лицо. — Как поживаешь?

Я не знал ответа на этот вопрос и поэтому только смотрел на него. Через некоторое время он поставил чайник и развязал свой сверток. Там были чай со специями, немного сыра и копченой рыбы. Он взял наши пакеты с травами и положил их на стол, потом вынул кожаный кошелек, в котором лежал желтый кристалл величиной с его ладонь. На дне пакета была большая мелкая миска, покрытая изнутри синей глазурью. Он поставил ее на стол и стал наполнять чистой водой. Тут вернулся Баррич. Я понял, что Баррич ходил на рыбалку. Он принес связку из шести маленьких

рыбок. Это была речная рыба, не морская. Рыбешки были скользкими и блестящими, и он уже выпотрошил их.

— Ты оставляешь его одного? — спросил Чейд Баррича, после того как они поприветствовали друг друга.

— Приходится. Надо где-то брать еду.

— Так что, ты доверяешь ему теперь?

Баррич отвел глаза:

— Я выдрессировал уйму животных. Заставить кого-то выполнять приказы — это совсем не то же самое, что научить человека быть достойным доверия.

Баррич поджарил рыбу, и мы стали есть. Еще у нас был сыр и чай. Потом я мыл тарелки и сковородку, а они сидели и разговаривали.

— Я хочу попробовать травы, — сказал Чейд Барричу, — или воду, или кристалл. Что-нибудь. Что угодно. Я начинаю думать, что на самом деле он... не в себе.

— Это не так, — тихо заверил его Баррич. — Дайте ему время. Я не думаю, что травы помогут ему. До того как он... переменялся, он слишком увлекался травами. После них он всегда был или болен, или слишком уж заряжен энергией. Если он не предавался отчаянию, то был совершенно изможден битвой или своими обязанностями человека короля и приближенного принца Верити. А потом, вместо того чтобы отдохнуть, он пил эльфийскую кору. Он совсем забыл, что можно просто расслабиться и дать своему организму восстановиться. В ту последнюю ночь вы дали ему семена карриса, правда ведь? Фоксглоу говорила, что никогда не видела ничего подобного. Я думаю, больше людей пришлось бы к нему на помощь, если бы они не были так напуганы тем, как он себя ведет. Бедный Блейд решил, что мальчик спятил. Он так и не простил себя за то, что повалил его. Эх, если бы он знал, что мальчик на самом деле жив!

— Не было времени выбирать и раздумывать. Я дал ему то, что было под рукой. И не предполагал, что он взбесится от семян карриса.

— Вы могли отказать ему, — тихо сказал Баррич.

— Это бы его не остановило. Он все равно пошел бы, в полном изнеможении, и его бы немедленно убили.

Я подошел и сел у очага. Баррич не следил за мной. Я лег, перекатился на спину и потянулся. Это было приятно. Я закрыл глаза и почувствовал на своей спине тепло очага.

— Встань и сядь на табуретку, Фитц, — сказал Баррич.

Я вздохнул, но подчинился. Баррич возобновил разговор:

— Его нужно постоянно подогревать, как на медленном огне. Ему нужно время, чтобы сделать это самому. Он вспоминает. Иногда. А потом отгоняет это. Не думаю, что он хочет вспоминать, Чейд, что на самом деле хочет снова стать Фитцем Чивэллом. Может быть, ему понравилось быть волком. Возможно, так сильно, что он никогда больше к нам не вернется.

— Он должен вернуться, — тихо сказал Чейд. — Мы нуждаемся в нем.

Баррич выпрямился. Его ноги лежали на связке хвороста, но теперь он поставил их на пол и наклонился к Чейду:

— Вы получили известие?

— Не я. Пейшенс, надо полагать. Иногда это очень противно — быть крысой за стеной.

— Так что вы слышали?

— Только Пейшенс и Лейси, которые говорили о шерсти.

— И что из того?

— Им нужна была шерсть, чтобы соткать очень мягкую ткань — для новорожденного или совсем маленького ребенка. «Он родится в конце Сбора Урожая, но сейчас в горах начало зимы, так что пусть ткань будет плотной», — сказала Пейшенс. Возможно, речь шла о ребенке Кетриккен.

Баррич казался ошеломленным:

— Пейшенс знает о Кетриккен?

Чейд рассмеялся:

— Понятия не имею. Кто может сказать, что знают женщины? Пейшенс изменилась в последнее время. Она прибрала к рукам стражу Оленьего замка, а лорд Брайт даже ничего не заметил. Наверное, нам следовало поставить ее в известность о нашем плане с самого начала. А может быть, и нет.

— Мне было бы легче, если б мы сказали ей. — Баррич не отрывал взгляда от огня.

Чейд покачал головой:

— Мне очень жаль, но Пейшенс должна была верить, что ты отказался от Фитца, потому что он использовал Дар. Регал мог бы что-нибудь заподозрить, если бы ты пришел за телом Чивэла. Регал должен был считать, что она единственный человек, которому хотелось его похоронить.

Оглавление

Пролог. Память и забвение	9
Глава 1. Рождение в могиле	12
Глава 2. Расставание	40
Глава 3. Поиски	63
Глава 4. Речная дорога	83
Глава 5. Противостояния	106
Глава 6. Дар и Сила	135
Глава 7. Фарроу	155
Глава 8. Тредфорд	176
Глава 9. Убийца	197
Глава 10. Ярмарка наемных рабочих	223
Глава 11. Пастух	240
Глава 12. Подозрения	261
Глава 13. Голубое озеро	287
Глава 14. Контрабандисты	310
Глава 15. Кеттл	329
Глава 16. Тайник	346
Глава 17. Переправа	365
Глава 18. Мунсей	383
Глава 19. Погоня	400
Глава 20. Джампи	418
Глава 21. Борьба	434
Глава 22. Отъезд	459
Глава 23. Горы	481
Глава 24. Дорога Силы	501
Глава 25. Стратегия	523
Глава 26. Путевые столбы	541
Глава 27. Город	559

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 28. Круг	578
Глава 29. Петушиная корона	601
Глава 30. Каменный сад	622
Глава 31. Эльфийская кора	643
Глава 32. Рыбное Место	660
Глава 33. Каменоломня	676
Глава 34. Девушка на драконе	694
Глава 35. Тайны Кеттл	710
Глава 36. Дар и меч	729
Глава 37. Кормление дракона	754
Глава 38. Сделка Верити	768
Глава 39. Дракон Верити	787
Глава 40. Регал	808
Глава 41. Писец	820
Глоссарий	826

Хобб Р.

X 68 Странствия убийцы : роман / Робин Хобб ; пер. с англ. М. Юнгер. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 832 с. — (Звезды новой фэнтези).

ISBN 978-5-389-11398-5

Фитц Чивэл, королевский убийца, возвращается к жизни. Перед ним стоят две задачи — отомстить Регалу, ценой предательства захватившему власть в Шести Герцогствах, и отыскать Верити, законного наследника престола. Фитц отправляется в долгий и опасный путь в Горное Королевство.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

РОБИН ХОББ
СТРАНСТВИЯ УБИЙЦЫ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректор Наталья Хуторная
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 13.01.2017. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 52. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

HZNF1942701R